

Моей правде - 1999 - 18 июня - с. 77.

ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ МИХАИЛА БРОХЕСА

Из письма А.Вертинского Кисловодска. 28.3.1951: "У курзала огромный мой плакат с тоненькой надписью сверху: "Лауреат Сталинской премии". Мы с Мишкой долго стояли, любуясь плакатом. Даже его фамилия внизу афиши как-то выиграла и звучит по-новому, более благородно, как будто и он стал лауреатом. Впрочем, он так и считает. Что он тоже лауреат".

Он сочинял забавные мини-рассказы, основанные на игре слов, смыслов, на шутке. Например, такой:

"Гостю показывают город. Сопровождающий говорит: "Вы нас, пожалуйста, извините, у нас немного грязновато". "Ну ничего, — говорит гость, — мой город еще почище вашего..."

Или такой:

"Хозяйка дома очень любезно принимает гостей. Прекрасный стол, идет незатейливая беседа. И вдруг один подвыпивший гость обращается к хозяйке: "Мария Ивановна, а когда вы будете подавать дичь?" На что Мария Ивановна ответила: "Сейчас будем подавать пальто".

Кладбищенская сценка:

"У закрытых дверей кладбища накопилось пять-шесть катафалков с процессиями. Из последней процессии к служителю подошли два человека и попросили пропустить их первыми, так как они торопятся на поезд, на что служитель ответил: "Не имею права, у нас здесь живая очередь".

Автор этих крохоток не был писателем. Просто шутник. Говорил с серьезным лицом: "Работать лучше завтра, чем сегодня". Напевал: "Милей родного брата она ему была". Или: "Я встретил вас, и все такое". Вздыхал: "Народный артист ушел на заслуженный". Сказал о спившемся вслед за родителем: "Он

шел по столочкам отца". И объявлял, что его профессия — товаровед.

Все мы товароведы. В более узком смысле его профессией была музыка. И свои скромные рассказы он называл "Заметками на клавишах".

Его звали **Михаил Борисович Брокес** (14.6.1909, Могилев — 9.5.1996, Москва).

Я сижу на кухне в небольшой квартире, где живет **Нина Ивановна Кониная**. Ей 80 лет, она вдова Брокеса. Красивая женщина. С напором. Больше всего ее беспокоит, что заметка о муже (к его 90-летию) будет посвящена **Вертинскому**.

Как бывшая учительница истории, она против исторических искажений.

И все ж от Вертинского Брокеса не отвертишь.

Конечно, значительную часть жизни он прожил как бы сам по себе. Окончил в 1931 году консерваторию в Питере. Стал пианистом. Работал в филармонии и на радио. Во время войны был членом фронтовых актерских бригад, награжден за доблестный труд медалью.

В Чите в 1943-м его жизненный путь пересекся с Вертинским, возвращавшимся из эмиграции. Из Харбина в Москву. Брокес вспоминал: "Нас познакомили. Вертинский воскликнул: "О, мужчина, да еще молодой — это как раз то, что мне нужно!" Вошли в класс, подошли к инструменту... Я посмотрел на-

ты: очень простенькая музыкальная ткань, может быть, даже примитивная. Для меня, окончившего консерваторию, аспирантуру, это показалась уж очень незамысловатой".

Брокес не с первой минуты понял высокую простоту мелодий Вертинского, масштабы его поэтической личности. Ему хотелось усложнить, обогатить. Спросил: "Играть так, как написано, или можно что-то добавлять от себя?" Вертинский испугался: "Ради Бога, ни одной лишней ноты!" Брокес подумал с иронией: "**Бетховен! Чайковский!** Ну и не надо!" И стал играть. Незаметно импровизируя.

Вертинскому аккомпаниатор понравился. Вскоре Брокес дал телеграмму домой: "Выезжаю Москву артистом Вертинским". Он представил себе реакцию домашних. Ведь эту фамилию все знали. "Вот так, — итожил он, — с первого и до последнего концерта длилась наша творческая деятельность и наша дружба". Около 4000 концертов!

У журналиста **Б.Савченко** есть очерк "Александр Вертинский". Там удачно сказано, на чем зиждился союз певца Вертинского и пианиста Брокеса: "Брокес унаследовал старую, сейчас во многом утраченную школу фортепьянного аккомпанемента, отличающуюся не только трепетным пиететом к исполнителю, но и тонким музыкальным вкусом,

позволяющим проникать в самую суть авторского замысла и максимально высвечивать ее". Я бы добавил: Брокес был музыкантом-романтиком.

В воспоминаниях о Вертинском (вдова показала рукопись с многочисленными поправками) Брокес написал: "Вертинский обладал редкими музыкальными способностями и тончайшим слухом. А музыкальная память его достойна удивления и восхищения. Он помнил и в любой момент мог спеть абсолютно все, что когда-либо было им создано. Интонационная линия его голоса была безукоризненна. За четырнадцать лет совместной работы я не помню случая, чтобы какая-то фраза была спета нечисто или неточно".

Слова-то о Вертинском, но — согласитесь! — характеризуют и того, кто их взвесил и произнес.

Так что Нине Ивановне не на что пенять.

Брокес был моложе Вертинского и пережил его почти на сорок лет. Работал с **Рейзенем**, **Лисицианом**, **Пантофелем-Нечецкой**. Чтецом **Сорокиным**, **Бунчиковым** и **Нечаевым**. У него был мягкий, покладистый характер. Умел легко сходить с людьми.

И все поздние свои годы не мог забыть Вертинского. Рассказывал о нем, пел песенки à la Вертинский, делился подробностями. Копировал, пародировал. Пропагандировал. Восхищался.

Знал, что рядом с этим великопленным артистом прошли звездные часы его жизни.

Владимир ПРИХОДЬКО.